

Ор. 26.8
137

Я. М. Десятков

ЛЕГЕНДЫ
СТАРОГО ОРЕНБУРГА

Ор 26.8
Д 37

И. М. Десятков

ЛЕТЕНДЫ

СПЛАРОГО
ОРЕНБУРГА

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

«Золотая аллея», Калуга, 1994

649104

Если на толчок попадал несведующий человек, он вначале не мог понять, как и что здесь продают. Но немного “потолкавшись” по рядам выставленных товаров, начинал замечать некоторую “специализацию” рядов. Вот лежит инструмент. По нашим дням — дефицит! Лежит еще в заводской смазке. Заметно, что еще несколько дней тому назад он находился на складе какого-то местного завода. Следующий ряд — запасные части к машинам и мотоциклам. Здесь царит основное правило — “схватить вовремя” в магазине и вовремя “толкнуть”!

Вспоминаю случай, происшедший со мной:

— Дядя! Что ищем? — обратился ко мне подросток лет четырнадцати.

— Да вот, комплект тормозных манжет надо...

— К какой модели? — получив ответ, он крикнул какому-то занюханному мужику: — Дядя Миша! Манжеты тут требуют!

— На, смотри. Новенькие! Парок от них еще идет!

Насчет “парка” не знаю, не заметил. Но вот “душок” от дяди Миши шел! Да какой!

— Сколько?

— Пятьдесят! — равнодушно бросает дядя Миша и отворачивается в сторону. Отсчитав названную сумму, получаю манжеты. Через полчаса захожу в автомагазин и вижу на витрине “мои” манжеты, стоимостью 28 копеек штука (восемь штук которых я только что купил за пятьдесят рублей!)... Во времена же Эссена местные купцы продавали в основном произведение рук своих. Были, конечно, и купцы-перекупщики. Оптовики...

Военный губернатор Василий Алексеевич Перовский

Нет более сложной задачи, чем рассказать о деятельности человека, дважды управлявшего нашим краем — с 1833 по 1842 и с 1851 по 1857 годы. В любом случае есть риск вызвать

Оренбургский военный губернатор Василий Алексеевич Перовский

недовольство, а то и гнев историков-профессионалов, приверженцев различных теорий и взглядов на его поступки. Настолько неординарны, порой даже противоречивы, черты характера Василия Алексеевича Перовского — человека для своего времени весьма образованного, взглядов — демократических, стремившегося окружить себя людьми не только культурными, но и проявлявшими незаурядную личную инициативу и сметку. До сих пор остается только удивляться дару его предвидения на десятки, а может быть, и на сотни лет вперед!

Однажды поверив человеку, верил ему до конца, порой становясь жертвой такого доверия. Именно так произошло с ним из-за полковника Циолковского, позднее ставшего генералом. Именно он, Циолковский, стал основной причиной провала хивинского похода, вошедшего в историю как первый. Имя Перовского слилось с развитием строительства города, культуры, архитектурного облика, лесоразведения и даже развития мукомольной промышленности в нашем крае. Некоторые начинания военного губернатора не всегда воспринимались его современниками, приводили к бунтам, а некоторые из тех, кто заменял его на этом посту — в делах даже откатывались назад, возвращая все “на круги своя!”

Знакомство с краем

Впервые приехав в Оренбург в 1833 году, Перовский тут же объехал почти все крепости Оренбургской пограничной линии, лично убедился не только в сказочном плодородии наших полей, но и в хищнической вырубке лесов. Его удивило, что такие щедрые земли столь мало засеваются пшеницей. Старожилы рассказывали ему, что в некоторые года здесь собирались баснословные урожаи! Известны случаи, когда поля, с которых был убран урожай, повторно не засеивались — осыпавшаяся при уборке пшеница становилась своеобразным посевным материалом, перезимовавшим на полях! По весне

дружные всходы самосева радовали глаз земледельца! Да вот беда: бичом урожая были периодические засухи и суховеи. В результате этой поездки родился “циркуляр”, разосланный Перовским всем комендантам крепостей. Он очень интересен и по сути убедительно подтверждает неординарность мышления нового военного губернатора: “При проезде моем по линии я с прискорбием заметил худое состояние лесов по Уралу — большая часть из них совершенно вырублена или быстро клонится к истреблению. С истреблением лесов, сих хранилищ влаги и снега, освежительная роса исчезла или едва заметна. Весенние разливы уменьшились. Урал мелеет и во многих местах представляет уже непрерывный ряд бродов. Бурные ветры дробят и разносят дождь и снег по необозримым пространствам голых степей. Летом палящий зной сжигает хлеба, сено, томит людей и животных...” К 1 февраля 1834 года Перовский собрал от комендантов крепостей “точный счет” всех жителей мужского пола не ниже 12 лет. Он же приказал: “... всех жителей простолюдинов или поселенных солдат, которые заслушание, пьянство или грубость, буйство или драку подлежат легкому наказанию — не наказывать, а заставлять вспахать четверть десятины земли у опушки леса...” Год спустя военный губернатор выпускает “наставление, как правильно производить посадку деревьев”, практически он вынудил производить лесоразведение! Каждому жителю мужского пола вменялось произвести посадку определенного количества деревьев “и наблюдать за их произрастанием”. В феврале 1836 года по инициативе Перовского в городе открылась школа лесоводства.

Циркуляр на общественную запашку земель

Перовский был убежден, что посевы оренбургской пшеницы, пользовавшейся широкой известностью, необходимо расширять. Твердый в проведении задуманных реформ, в 1835 году он отдает приказ генерал-майору Гельду, в те годы

командовавшему казачьими войсками, ввести обязательную “общественную запашку” свободных земель силами казачьего войска. Такое решение Перовский принял не случайно — спрос на оренбургскую пшеницу постоянно возрастал! Он вводит принудительную норму засева — один пуд на каждого казака. Генерал Гельд не смог донести до сознания казачества необходимость выполнения этого приказа и его перспективную суть, личную выгоду. Генерал Гельд решил опереться только на силу приказа. Служба казака в те годы была нелегка. Это было учтено в выданных казачьему войску “Привилегиях”. В приказе Перовского казаки усмотрели покушение на данные им привилегии, дополнительное принуждение выполнять тяжелую работу, напоминающую оброк. Казаки отказались повиноваться, а главное — сеять хлеб! В казачьем войске вспыхнули волнения, которые Гельд заглушить не смог. Получив рапорт о неповиновении, Перовский немедленно отстранил от должности генерала Гельда, поднял линейный батальон, приказал немедленно выступить в районы, охваченные волнениями, туда же отправился и сам. В Чернореченской крепости казаки “отменно были наказаны плетью и шпицрутенами. Особо непокорные были отселены в отдаленные станицы”. На место Гельда был назначен генерал-майор Шуцкий, о котором гласила народная молва: “Человек тупой, но до ужаста крутой!” Массовая порка казаков за невыполнение приказа губернатора сделала свое дело — общественная запашка силой, но была введена!

Перовский приказал с каждого нового урожая оставлять не только семенной фонд, но и закладывать “страховой запас” в общественные амбары, гарантировавший казачеству поддержку жизненного уровня на случай засухи или неурожая — он даже это учел! Общественной запашкой было поручено заниматься инженер-капитану Агапьеву. На первых порах дело пошло успешно. Он даже был представлен

к ордену! Через его руки стали проходить крупные суммы, выделяемые не только из казны, но и полученные от реализации собранного казаками урожая, сданного в "провиантские магазины". За каждый сданный пуд зерна казак получал по 26 копеек. Личные доходы Агапьева стали стремительно расти. Слух об этом дошел до Перовского. Он вызвал казнокрада, заявил, что, несмотря на полученный орден, он подлец, не оправдавший доверия. С тем и выгнал его вон из Оренбурга. От генерала Шуцкова потребовал строжайшего контроля за выполнением казаками минимальной нормы высева, за количеством сданного ими зерна. Ввел строгую отчетность. Казнокрадству был положен конец. Обозы с оренбургской пшеницей потянулись вглубь России. В общем объеме сданного зерна весомым становился вклад "общественной запашки", одной из самых жестких "причуд" Перовского, следовательно, весомым был вклад и всего Оренбургского казачьего войска. Да и сами казаки стали понимать свою выгоду от продажи пшеницы.

В одном из разговоров с потомственным оренбургским казаком Семеновым, служившим в XI-й кавалерийской дивизии, пришлось услышать такую фразу: "Путь к хлебному изобилию и славе пшеницы оренбургской лежал через казачью задницу! Но то был самый короткий путь к сознанию..."

Обилие хлеба не только превратило край Оренбургский в одну из житниц России, но и дало толчок к развитию мукомольной промышленности, позднее стало одним из решающих факторов при обосновании необходимости строительства Самаро-Оренбургской железной дороги, для учреждения в Оренбурге торговой биржи.

Почем казаку борода?

Будучи человеком демократических взглядов, Перовский вместе с тем был порой жестоким до неуправляемости. В легенду вошел один случай, о котором долгие годы вспоминали жители Оренбурга. Говорят, это было так.

Однажды несколько казаков явились на смотр не в мундирах, а в обычной одежде. Заявили, что они готовы служить царю верою и правдою, если им будет дозволено носить бороды! Особое упрямство проявил казак Пшеничников, явившийся на смотр в простой одежде, с книгой священных Правил и говорил, что не он, а святые Отцы установили ношение бород. Христианский государь не должен делать им запрета — для царя нужна служба, которую казаки будут нести, а с бородою человек или без бороды — царю не все ли равно? Об этом случае окружной штаб-офицер полковник Ханский лично доложил Перовскому. Пшеничников с единомышленниками был привезен в Оренбург. Тут его поручили опытному протоиерею кадетского корпуса Петру Алексеевичу Сахарову, при участии наказного атамана Ивана Васильевича Падурова и правителя генерал-губернаторской канцелярии Глебова, отменного юриста. Сколько ни убеждали Пшеничникова, что для Бога — вера, для государя — служба никак не исключают одна другую, — он оставался при своем мнении “потерпеть за бороду”. Перовский утвердил решение — наказание в три тысячи шпицрутен, но дал разрешение Подурову простить казаков, если они расскаются. Когда были выстроены солдаты, Подуров объявил об этом. Пшеничников перекрестился и пошел первым, сказав, что он не для показа готовил себя и вынесет все, пока жив.

Некоторых казаков несколько раз выводили и добивали. В живых остался один Пшеничников. Перовский превысил свою власть, применив наказание шпицрутенами, так как уже существовал закон, согласно которому нижние чины из раскольников за поступки, имевшие в основании религию, не подвергаются телесному наказанию, а подлежат ссылке. Он считал такой закон для Оренбургского края неудобным, через военного министра просил об оставлении прежнего порядка. Император Николай Павлович на его представлении положил резолюцию: “Зло нужно уничтожать в начале и бород

казакам не носить, исключая стариков более 50 лет и вообще таких даже в урядники не производить”.

Запрещение носить бороду оренбургским казакам, состоявшим на службе, было установлено при войсковом атамане Могутове: «В бытность мою в прошлом 1757 году в Ельдяке (крепость — Г.Д.), — писал Могутов атаману елдицких казаков Чисметову, — видел я, что все казаки ходят в бородах и волосы так отращают, как у мужиков, а в Указе Ея Императорского Величества 1748 года марта 31 написано: “В сбор с бородачей и раскольников положенных денег поступать по прежним Указам безо всякого опущения, токмо дабы разных чинов люди опричь священников и церковного причта и крестьян в неуказанном платье не ходили и бород не носили, того смотреть накрепко, а кто в противность публикованных в том Указов в каком неуказанном платье ходить и бороды носить станет, с таковых по взысканию штрафа чинить по Указу безо всякого послабления, того ради в силу онаго Ея Императорского Величества Указу всем команды свои старшинам и казакам бороды обрить и волосы подстричь, так как со здешними казаками числится, чего ради фельдшера из их же казаков выбрав к тому искусного определить и поступать по силе онаго, дабы все как старшины, так и казаки были во всякой чистоте и платье носили по своему званию, а не мужичье, а кто тобою фельдшером определен будет, о том мне рапортовать.

Василий Могутов. 12 января 1758 года»

Для блага города и горожан

Наш город во времена Перовского представлял собой сборище ветхих лачуг, некоторые из них и жильем-то можно было назвать с большим трудом. До 1822 года над городом довлел царский Указ “О воинском постое”. Домовладельцы всеми правдами и неправдами старались этот закон обойти или как-то уклониться от его выполнения: либо дому придавался

нежилой вид, либо строились такие лачуги-халупы, в которые офицеров не поселяли. После известного Указа об отмене "Закона о воинском постое" в городе началось строительство добротных домов, но строили только те, кто располагал определенными средствами. В голове у Перовского созрела мысль избавить город, в пределах крепости, от жалких лачуг. Полицмейстеру был отдан приказ составить список ветхого жилья и определить его к сносу. Таковых жилищ было найдено 221 строение.

До Перовского одним из губернаторов тоже делалась попытка избавить город от лачуг, но весьма своеобразным способом. Как гласит легенда, этот губернатор, через специальные команды, такие лачуги попросту поджигал! Перовский поступил по-другому: есть средства у хозяина строить каменный дом в черте крепости — строй. Нет — отводилось место "вне города". На новое строение губернаторской казной выплачивалось пятьдесят рублей ассигнациями и выдавалось определенное количество строительных материалов. Начав с жилых домов, Василий Алексеевич Перовский увековечил свое имя возведением жемчужины архитектуры города — Караван-Сарая. С его именем связано и строительство водопровода...

Последняя шутка Перовского

Многое приходилось слышать о чертах характера Перовского: жесток и милосерден, любитель шуток и в то же время строг, доступный весельчак, страстный коллекционер и вспыльчивый генерал. Только в одном ему нельзя было отказать — в даре предвидения. Его постоянно окружали и были его гостями талантливые люди. Вспомним хотя бы автора "Толкового словаря" Владимира Даля, А.Пушкина, сатирика Жемчужникова... Любил Перовский шутку, молниеносно реагировал на нее.

Об одной из них мне приходилось слышать в разных вариантах — то была реакция на попытку "пошутить" с ним одного из офицеров гарнизона.

Поздним, душным летним вечером в здании Офицерского собрания, что когда-то было на Николаевской улице, веселилась группа молодых офицеров. Среди них был один по фамилии Романов. Ей он очень гордился — еще бы, такая же была и у Его Императорского Величества!

Подвыпившие товарищи обратились с таким вопросом:

— Вот ты — Романов. Сможешь ли ты в сей час полуночный посетить господина военного губернатора и поинтересоваться, чем он занят?

Известно, что пьяному — море по колено! Офицер устремился к дому Перовского, следом шли его друзья...

Подошел, постучал в дверь, получил приглашение войти.

— Ваше превосходительство! Я — Романов! Вы — Перовский? Могу ли я спросить, чем сей момент занят наш губернатор?

Посмотрел Перовский на него, усмехнулся в ус и ответил, что если господин офицер окажет честь ему, Перовскому, присядет к столу, то сможет не только спросить, но и самолично убедиться, чем сей момент занят губернатор.

Офицер присел к столу и, не предвидя подвоха, спросил:

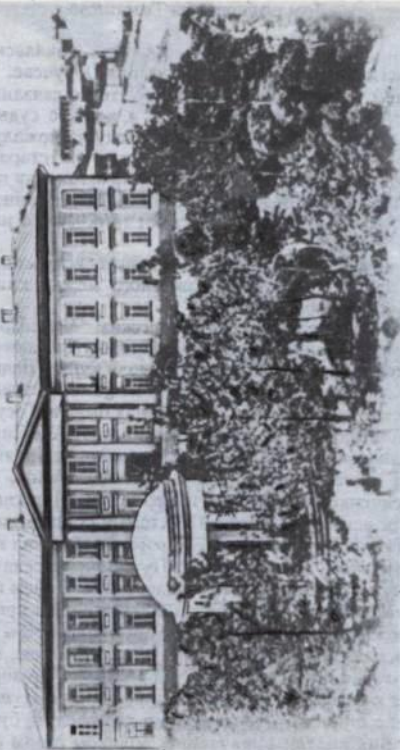
— А чем?

— Сей момент я занят подбором кандидата на пост коменданта в Ново-Орское укрепление. Отдаленно оно отменно, да тем и лучше! Комендант-то там должен быть смел отменно и непременно “с головой”! — Почесал Перовский ус и продолжил: — Потому “с головой”, что ждать приказа будет не от кого. Далеко оно. Решать самому придется! Подобрал я тут одного, вроде бы подходит! — С тем и вызвал своего адъютанта, отдал соответствующий приказ, а Романову заявил, что такого офицера перед собой видит и считает, что поутру ему вместе с повозкою от Оренбурга верст на двадцать пять отстоять надлежит! С тем и выпроводил незадачливого шутника.

А друзья, ждавшие его на улице, понутив головы, побрели по домам в ожидании наказания от Перовского за чрезмерное потребление хмельного...

Оренбург. — Orenbourg. № 5

Городская Управа.

Беседка-ротонда, перенесенная из Зауральной рощи, и здание
Городской Управы.